

СЛОВА И ВЕЩИ

Вадим Баранов

ОДНАЖДЫ в приемной депутата Верховного Совета СССР Алексея Николаевича Толстого раздался звонок. Трубку сняла Ольга Брониславовна Никифорова, секретарь писателя.

— Алексею Николаевичу необходимо срочно прибыть к товарищу Сталину. Машина выслана.

Вызов был совершенно неожиданным. Что стоит за ним? Кто в литературных кругах не помнил про звонки вождя? Булгакову — сразу после самоубийства Маяковского. Борис Пастернаку относительно Мандельштама... Что стоит за вызовом сейчас? Почему вождь не ограничился, как тогда, разговором по телефону?

Совсем недавно вышла на экраны вторая серия «Петра Первого». Поговаривали, Сталин был от нее не в восторге...

Разговор мог происходить примерно так.

Для начала вождь справился у гостя о здоровье, не нуждается ли в чем-нибудь. Фильм похвалил. Но довольно сдержанно, словно бы мимоходом. Чувствовалось: главное — впереди.

— История — это, конечно, очень важно, — начал Сталин издали, неторопливо раскуривая трубку. — И правдивый образ великого Петра воссоздавать, разумеется, надо. И вас я как будто поддерживал в этом. Конечно, в меру своих скромных возможностей...

Толстой торопливо и благодарно закивал головой, дескать, «как же, как же, он отлично помнит роль этих скромных возможностей в кризисной ситуации»...

...Девять лет назад во МХАТе-2 пьесу о Петре Первом поставил Николай Иванович Берснев. Рапповская критика, ненавидевшая графа и недавнего эмигранта, встретила спектакль в штыки. В «Правде» появилась статья с хлестким названием «Реставрация мерзковщины».

Перепуганные актеры на обсуждении начали дружно ругать пьесу и свой спектакль. Берснев слушал всех со странным и даже загадочным спокойствием: на представлении присутствовал сам Сталин, который немного не дождался финала, извинившись и составившись на срочные дела, но высказал сочувствующему его к выходу худруку положительное мнение о работе театра. Берснев наконец взял слово и рассказал об этом труппе.

Актеры — шумная, скандальная публика — живо утомонились. В фою установилась неволевая тишина. Вторая половина обсуждения пошла так, как будто это был совсем другой спектакль, с другими исполнителями.

...Сталин между тем протянул Толстому через стол номер «Известий» с жирно обведенной красным карандашом заметкой, а сам поднялся и начал прохаживаться по кабинету. «Сопровождается ароматным облаком дыма. «Комитет по делам кинематографии при Совнаркоме СССР, — читал Толстой, — поручил режиссерам-орденоносцам братьям Васильевым постановку фильма об обороне Царицына. «В этом фильме, — сказали сотруднику «Известий» Г. и С. Васильевы, — будут показаны события, хорошо известные советским читателям по талантливым повестям А.Н. Толстого «Хлеб»... То должен быть фильм о вожде народов товарище Сталине, о пролетарском полководце товарище Ворошилове — замечательных стратегах, разрабатывавших и осуществивших план обороны Царицына».

— И как же обстоят дела с фильмом, товарищ Толстой? Гость вопросительно поднял глаза: работа над сценарием

дился написанным по заказу редакции очерком, но с удовольствием уклонился бы от заказа, если бы мог.

По мере развития этой темы голос Сталина звучал все жестче. Глаза сузились, как будто он вставил перед собой подслепых и вовсе забыл про сидевшего перед ним.

Заканчивая, совершенно спокойно, как ни в чем не бывало, сказал: «Да вы не стесняйтесь, Алексей Николаевич, закуривайте свою трубку».

Толстому показалось, что Сталин нажал на слово «свою». Чью же, как не свою? Не чужую же! Наверное, это от особенностей грузинского произношения...

А Сталин, как бы завершая мысль о врагах и измене, еще раз похвалил Толстого:

— Вы совершенно правильно говорили о Грозном во время встречи в журнале «Колхозник» по поводу романа «Хлеб».

(Нет, этот воистину великий человек знает решительно все!)

Но по-прежнему оставалось непонятным, зачем же такой человек, оторвавшись от дел величайшей важности, вызвал его к себе.

ложению: поменяться трубками? Чуть мы почаше вспоминали друг друга...

Восторгу Толстого не было предела. Домой он летел как на крыльях. Надо же — такой подарок судьбы!

Не очень жаловавший какие-либо абстрактные теоретизирования, любивший жизнь на ощупь, Толстой создал целую теорию курения. Прежде всего, не надо курить папирос! — говорил друзьям. Легкие созданы не для перегонки жженой бумаги.

Иное дело трубка. Во время работы часто гаснет, и потому меньше окуриваешься табаком. А табак надо мешать пополам: «Флотский» и «Кисет». Хорошо класть в него нарезанное антоновское яблоко. Трубка не должна быть маленькой: такие гожи только для махорки. Не меньше десяти сантиметров. И лучше кривая. Головка обязательно толстая — чтоб не раскалывалась.

Особый ритуал — чистка трубки. Наталья Васильевна в пору, когда они еще были вместе, смеялась над его «уютным мужским занятием».

— Ты словно священнодействуешь, — говорила она, разглядывая какие-то проволочки,

Нет, это был уже не только вывод из сказанного по конкретному поводу, но и обозначение стратегической задачи. Иначе и воспринимать вывод было невозможно, если еще учесть, кто был автор статьи: тот самый Храпченко, председатель Комитета по делам искусств. По существу, нарком, министр.

Первая реакция была: броситься к телефону, звонить ему. Постепенно остыл. Такая критика не могла исходить от какого-то Храпченки. И действительно, еще 28 апреля 1942 года секретарь ЦК Шербаков в письме Сталину предлагал «запретить постановку пьесы А.Н. Толстого «Иван Грозный» в советских театрах, а также запретить опубликование этой пьесы в печати».

Как раз в это время к нему обратились из Академии наук за автобиографией. Толстой срочно написал ее и вставил абзац о Сталине, вспомнив ту самую историю с пьесой о Петре. «Постановка первого варианта «Петра» во 2-м МХАТе была встречена РАППом в штыки, и ее спас товарищ Сталин, тогда еще, в 1929 году, давший правильную историческую установку петровской эпохе».

над «!» пьеса и спектакль получили отрицательную оценку. Спектакль был немедленно снят с репертуара как не отвечающий требованиям советского зрителя.

ПРОШЛОЕ ВЗЫВАЕТ
К ОТВЕТУ

Позвонил Костя Федин. Срывающимся от волнения голосом спросил:

— Алеша, ты читал сегодняшнюю «Правду»?

— Еще нет, а что?

— Там про меня такое пишут, такое...

Опубликованная 24 июня 1944 года, статья называлась недвусмысленно: «Ложная мораль и искаженная перспектива». Речь шла о книге «Горький среди нас», которую издательство настойчиво заказывало Федину как очень актуальную. Люди из идеологического ведомства прекрасно осознавали это. Сочинение Федина должно было вписаться в систему заказных произведений. Таких, как фильм Марка Донского «Мои университеты» (1940), ничего общего не имеющий с повестью Горького, кроме названия, но зато полностью отвечающий от-

шедшую на смену «военному коммунизму» и возрождавшую страну в невиданно короткие сроки. Видные экономисты, социологи, они один за другим возвращались на родину. Большинство готовилось горькая участь, подобная той, которая постигла Устрялова и Бобринского-Пушкина.

Ну, к сменевеховцам при желании придраться было можно без всякого труда. Но Миша Кольцов! Первый журналист страны! Толстой и Фадеев опубликовали 4 ноября 1938 года в «Правде» подвал о блестящем «Испанском дневнике» Кольцова. А в конце года, 12 декабря, Кольцова арестовали прямо в редакции, и он исчез. (Позже выяснилось, что его расстреляли в 1939 году по приговору от 1 февраля, но несколько лет о его судьбе не было известно ничего. Ходили слухи, что уже в годы войны его якобы видели то на одном, то на другом участке фронта).

Как и все, Толстой не мог найти объяснения событиям 1936—1938 годов: аресты, аресты, аресты... Люди искали родных и близких, писали во все инстанции. Получал кричащие болью письма и депутат Верхов-

возможность печататься и работать в центральной прессе.

В чем теперь его вина, я не знаю, но я опасаясь, что он арестован все за те же откровенные показания, которые в марте 1936 года дал следователю, то есть в том, как он, будучи конкордом, пошел с дроздовцами.

Нельзя остаться равнодушным к судьбе его сынишки. Мальчик должен учиться и расти, как все наши дети.

Крепко жму Вашу руку. Алексей Толстой. 22.11.1938. г. Пушкин.

Заступничество за Венуса в биографии Толстого было далеко не единственным. В годы войны Толстой хлопотал о смягчении приговора молодому автору, студенту Литинститута Биленкову, написавшему произведение с откровенно вызывающим подзаголовком «Анти-советский роман». «Вышку» по приговору скостили тогда до 8 лет, а потом Биленков выехал за границу.

До Сталина доходили вести о подлых либеральных шагах писателя. До времени он терпел это (первому писателю надо было немножко «позволить», ведь он заменил Горького, а тот постоянно заступался за кого-нибудь и порядком надоедал вождю своими просьбами). Но во всем надо знать меру! Даже генеральный секретарь писательского Союза Фадеев отказывался помочь Корнелию Зелинскому в деле его сестры. А Алексей Николаевич, пользуясь своим положением председателя комиссии по расследованию фашистских зверств в ходе войны, добиваясь освобождения этой женщины из лагеря раньше срока. Ничего бы не случилось, если бы досидела до конца!

Доходила до Сталина и куда более важная информация о том, что распоясавшийся академик позволяет себе вовсе непустимые высказывания о порядках в стране, о засилье бюрократизма, плохом положении народа, необходимости крутых перемен после войны.

Записной книжке Толстой доверил такие мысли-прогнозы. «Конец войны уже ощущается... Что будет с Россией. Десять лет мы будем восстанавливать города и хозяйство. После мира будет нэп, ничем не похожий на прежний. Сущность этого нэпа будет в сохранении основы колхозного строя, в сохранении за государством всех средств производства и крупной торговли. Но будет открыта возможность личной инициативы, которая не станет в противоречие с основами нашего законодательства и строя, но будет дополнять и обогащать их. Будет лительная борьба между старыми формами бюрократического аппарата и новым государственным чиновником, выдвинутым самой жизнью. Победят последние. Народ, вернувшись с войны, ничего не будет бояться. Он будет требователен и инициативен. Расцветут ремесла и всевозможные артели, борющиеся за сбыт своей продукции. Резко повысится качество. Наш рубль станет мировой валютой. Может случиться, что будет введена во всем мире единая валюта. Российская стена довоенной России (так, — В.Б.) рухнет. Россия самым фактом своего роста и процветания станет привлекать все взоры».

В своих устных высказываниях Толстой выражался порой еще резче. Разумеется, великий вождь не мог не усмотреть в подобных суждениях недопустимой крайности. Прогнозами будущего державы мог заниматься только один человек. Все остальные — исполнители его воли. И что значит «люди ничего не будут бояться»? Сталин давно усвоил, что одним из важнейших элементов государственного устройства должен быть страх. Реализация этого принципа приведет после войны к «делу врачей», убийству Михоэлса, борьбе с космополи-

Ничего, он все равно добьется своего. Любимой пенной.

Позвонил секретарю, приказал вызвать Фадеева.

Сразу в грубой форме начал обвинять писательского генсека в том, что тот утратил бдительность, не знает, среди кого работает, не помогает государству в выявлении шпионов.

Фадеев похолодел, совершенно сбитый с толку и самым тоном, и характером разговора.

— Но кто же эти шпионы? — спросил Фадеев в полной растерянности.

Ход дальнейшего разговора он впоследствии передавал своим близким следующим образом.

«Сталин усмехнулся одной из тех своих улыбок, от которых некоторые люди падали в обморок и которая, как я знал, не предвещала ничего хорошего».

— Почему я вам должен сообщать имена этих шпионов, когда вы обязаны были их знать? Но если вы уж такой слабый человек, товарищ Фадеев, то я вам подскажу, в каком направлении надо искать и в чем вы нам должны помочь. Во-первых, крупный шпион ваш ближайший друг Павленко. Во-вторых, вы прекрасно знаете, что междунаrodnым шпионом является Илья Эренбург. И, наконец, третьих, разве вам не было известно, что Алексей Толстой английский шпион? Почему, я вас спрашиваю, вы об этом молчали? Почему вы не дали ни одного сигнала? Идите, — повелительно сказал Сталин и отправился к своему столу. — У меня нет времени больше разговаривать на эту тему, вы сами должны знать, что вам следует делать».

Дожидаясь до Толстого весть потрясла его, и летом 1944 года он заболел.

Поначалу не подозревал, какая болезнь обрушилась на него. Обуреваемый множеством планов, он хотел писать роман о Великой Отечественной войне, о героическом советском тыле, и в сентябре радостно откликнулся на приглашение руководства Челябинской области побывать на Южном Урале.

Увы, ни эта, ни другие поездки не были разрешены врачами, да и сам он чувствовал себя все хуже и начинал догадываться о постигшей его беде. Да, это был рак легкого.

Думалось: если умирать, то не в тюрьме (как Мейерхольд и многие другие) и не с диким ярлым английским шпионом. И не после пыток на Лубянке. Уж он-то детально прелесталл семидесятилетнее искусство костоломов — по документам времен Петра.

Ольге Брониславовне было строгойше наказано ежедневно в определенное время докладывать Поскребышеву о состоянии больного. Похоже, старались не упустить ни часа. Все в доме недоумевали: почему?

Как только остановилось дыхание «английского шпиона», вступал в действие разработанный до мелочей план его государственного похорон и погребения в крематории.

Умер Алексей Толстой 23 февраля 1945 года. А 24 февраля все газеты опубликовали следующее сообщение: «Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) с прискорбием извещают о смерти выдающегося русского писателя, талантливого художника слова, пламенного патриота нашей Родины, депутата Верховного Совета СССР Алексея Николаевича Толстого».

Первой в тот же день выступила «Правда» со статьей «Тяжелая утрата», принадлежавшей Демьяну Белому, который никогда не был близок к успеху, зато был очень близок к Кремлю. На следующий день опять-таки в центральном органе партии публикуется статья Михаила Шолохова «Могучий художник» и Николая Тихонова

ТРУБКА ВОЖДЯ, ИЛИ УХОД
«РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО
ГРАФА»Опыт
беллетризованного
исследования

ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ ВОЖДЯ

— Будь то эпоха Петра или еще более ранние времена, — заговорил Сталин, — важно поставить историю на службу современности.

И завел речь об Иване Грозном. Толстой сразу понял, что это как раз и есть то, зачем его привезли сюда.

Говорил Сталин о Грозном как о воистину великом собирателе русских земель, о борьбе его за единство нации, о яростном сопротивлении косного боярства, об измене Курбского и о том, как важно государству в самом зародыше искоренять крамолу. И — об опричнине...

Все это было хорошо знакомо Толстому. Еще года четыре назад без какого-нибудь побуждения извне он стал в изобилии поглощать литературу о Грозном, сравнивать разные мнения об этом, может быть, самом кровавом государе на Руси.

Странное дело: интерес к той далекой эпохе возник у него в ходе тяжелой болезни. Новый, 1935 год он, любитель обильных застолий и шума, встретил в постели с обширным инфарктом и вынужден был только посматривать с завистью в дверь, как домашние поднимали бокалы с шампанским. Впрочем, ему дали пригубить.

Через месяц, 31 января, директор Литературного музея Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич в письме Горькому радостно сообщал, что Алексей Толстой уже производит впечатление совершенно здорового человека. Горький, как и все

шипчики, которыми он прочищал мундштук от никотина.

— А в это время очень хорошо обдумывать новые замыслы, — отвечал он.

Впрочем, все это сущие пустяки перед важным фактом: подарка от человека, возглавляющего огромную страну и так выделяющего среди 170 миллионов населения его, Алексея Николаевича Толстого, литератора.

— Ну, слава богу, наконец-то! — вздохнула Ольга Брониславовна. — А мы с Людмилой Ильиничной уж думали, не случилось ли чего. Времена-то какие...

— Ну что со мной может случиться? — отвечал весь излучающий счастье Алексей Николаевич, раскуривая трубку. — Уж теперь-то со мной вообще не может ничего случиться!

Смотрел на секретаря загадочно, выдерживая паузу.

— А курить-то вам и вовсе не надо бы. Как-никак, инфаркт уже имел.

— Ну, это когда было! А теперь мне бросать курить и думать нечего. Вы, сударыня, понятия не имеете, что это за трубка!

Поднес к самому ее лицу, так что она брезгливо помахала ладошкой, разгоняя дым.

Алексей Николаевич Толстой (курит сталинскую трубку) с женой Людмилой Ильиничной.

Пьесу о Грозном, однако, совсем отвергать не стали. Опубликовали тиражом... 200 экземпляров. Даже не поставив обычного в подобных случаях «на правах рукописи».

Вскоре вождь снова вызвал писателя к себе. Первое, что бросилось в глаза: в руках вождя лежала другая трубка. И человек пред ним стоял совсем другой. Вождь сухо напомнил, что она брезгливо помахала ладошкой, разгоняя дым.

— Это, голубушка Ольга свет Брониславовна, трубка совершенно необычная. Талисман. На счастье. Обменялся со мной сам!

И Толстой мундштуком указал в потолок.

Туда ли устремился взгляд Толстого? Неизвестно. Но, судя по всему, он был направлен в сторону

ного Совета СССР академик Алексей Николаевич Толстой.

ПИСЬМО НАРКОМУ ЕЖОВУ

22 февраля 1938 года депутат Толстой пишет наркому внутренних дел Николаю Ежову. Пишет без полной уверенности в успехе: ходили слухи, что Ежов вскоре переберется на водный транспорт — по совместительству. Странной казалась эта чехарда, вследствие которой наркомов стало вдруг не хватать. Но 10 апреля 1939 года Ежов будет арестован и расстрелян по стандартным обвинениям, а его место займет Лаврентий Берия.

Итак, письмо Толстого: «Глубокоуважаемый Николай Иванович,

ли. Фильм — мемуарный. Но довольно сдержанно, словно бы мимоходом. Чувствовалось: главное — впереди.

— История — это, конечно, очень важно, — начал Сталин издали, неторопливо раскуривая трубку. — И правдивый образ великого Петра воссоздавать, разумеется, надо. И вас я как будто поддерживал в этом. Конечно, в меру своих скромных возможностей...

Толстой торопливо и благодарно закивал головой, дескать, «как же, как же, он отлично помнит роль этих скромных возможностей в кризисной ситуации»...

...Десять лет назад во МХАТе-2 пьесу о Петре Первом поставил Николай Иванович Берсенев. Рапповская критика, ненавидевшая графа и недавнего эмигранта, встретила спектакль в штыки. В «Правде» появилась статья с хлестким названием «Реставрация мерзавщины».

Перепуганные актеры на обсуждении начали дружно ругать пьесу и свой спектакль. Берсенев слушал всех со странным и даже загадочным спокойствием: на представлении присутствовал сам Сталин, который немного не дождался финала, извинившись и сославшись на срочные дела, но высказал сопровождающему его к выходу хулуру положительное мнение о работе театра. Берсенев наконец взял слово и, рассказав об этом труппе, вывел ее из зала.

Актеры — шумная, скандальная публика — живо уgomонились. В фойе установилась неслыханная тишина. Вторая половина обсуждения пошла так, как будто это был совсем другой спектакль, с другими исполнителями.

...Сталин между тем протянул Толстому через стол номер «Известий» с жирно обведенной красным карандашом заметкой, а сам поднялся и начал прохаживаться по кабинету, сопровождаемый ароматным облаком дыма. «Комитет по делам кинематографии при Совнаркоме СССР», — читал Толстой, — поручил режиссерам-орденоносцам братьям Васильевым постановку фильма об обороне Царицына. «В этом фильме», — сказали сотруднику «Известий» Г. и С. Васильевы, — будут показаны события, хорошо известные советским читателям по талантливой повести А.Н. Толстого «Хлеб». То должен быть фильм о вожде народов товарище Сталине, о пролетарском полководце товарище Ворошилове — замечательных стратегах, разработавших и осуществивших план обороны Царицына».

— И как же обстоят дела с фильмом, товарищ Толстой?

Гость вопросительно поднял глаза: работа над сценарием давно закончена, съемки идут своим чередом...

— Пусть отвечают режиссеры. Тем более что их вдвое больше, чем меня!

Сталин засмеялся. — А вы дипломат, Алексей Николаевич. Продолжаете традиции рода?

Значит, Сталин вторую серию «Петра» смотрел внимательно...

Словно угадывая мысли, Сталин сказал, что, с его точки зрения, народный артист Гардин — кажется, Владимир Ростиславович? — отлично сыграл роль графа Петра Андреевича Толстого...

Сделал глубокую затычку и закончил:

— Верой и правдой служившего государю и борющегося с государственной изменой.

Пронзительно посмотрел на Толстого, не успевшего пока еще сообразить, куда клонит вождь, и почувствовавшего вдруг непривычный холодок внутри. Страшно захотелось курить.

Сталин заговорил о том, что важно, чтобы советские писатели правильно понимали политику своего государства и помогали ему в сложной обстановке. Похвалил очерк Толстого в «Известиях» о процессе 1937 года в Колонном зале Дома союзов. Тогда автор как следует «припечатал» всех этих Пятаковых, Радеков, Сокольниковых и их с ними.

У Толстого полетало на душе, хотя он не только не гор-

л к себе.

ТРУБКА ВОЖДЯ, ИЛИ УХОД «РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ГРАФА»

Опыт беллетризованного исследования

ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ ВОЖДЯ

— Будь то эпоха Петра или еще более ранние времена, — заговорил Сталин, — важно поставить историю на службу современности.

И завел речь об Иване Грозном. Толстой сразу понял, что это как раз и есть то, зачем его привезли сюда.

Говорил Сталин о Грозном как о воистину великом собирателе русских земель, о борьбе его за единство нации, о яростном сопротивлении косного боярства, об измене Курбского и о том, как важно государству в самом зародыше искоренять крамолу. И — об опричнине...

Все это было хорошо знакомо Толстому. Еще года четыре назад без какого-нибудь побуждения извне он стал в изобилии поглощать литературу о Грозном, сравнивать разные мнения об этом, может быть, самом кровавом государе на Руси.

Странное дело: интерес к той далекой эпохе возник у него в ходе тяжелой болезни. Новый, 1935 год он, любитель обильных застолий и шума, встретил в постели с обширным инфарктом и вынужден был только посматривать с завистью в дверь, как домашние поднимали бокалы с шампанским. Впрочем, ему дали пригубить.

Через месяц, 31 января, директор Литературного музея Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич в письме Горькому радостно сообщал, что Алексей Толстой уже производит впечатление совершенно здорового человека, горит желанием вернуться к письменному столу, чтобы продолжить работу по претворению давних замыслов, которые, впрочем, начала вдруг теснить новая тема. «Тут же очень много посвящает времени истории Ивана Грозного, собирает материалы — книги, портреты — и говорит, что в его сознании Петр имеет свои истоки в Иоанне Грозном и что Иоанн Грозный для него даже интереснее, чем Петр. Колоритнее и разнообразнее. Вообще весь в творчестве».

Теперь Толстой поделился своими суждениями о Грозном со Сталиным, воздержавшись, впрочем, от разговора о недостатках характера царя.

Сталин остался доволен словами Толстого и сообщил, что тема Ивана Грозного возводилась на государственный уровень. «Михаил Борисович все знает подробно». Толстой сообразил, что речь идет о Храпченко, недавно назначенном председателем Комитета по делам искусств при Совнаркоме.

— У него уже есть кандидатуры. Илья Сельвинский, Владимир Соловьев. В кино — Эйзенштейн. Но на вас, вы сами понимаете, особые надежды возлагают партия и правительство.

Под конец беседы вождь неожиданно попросил:

— Покажите-ка вашу трубку.

Повертел в руках, посмотрел загадочно.

— А как вы, Алексей Николаевич, относитесь к такому пред-

шпички, которыми он прочищал мундштук от никотина.

— А в это время очень хорошо обдумывать новые замыслы, — отвечал он.

Впрочем, все это сущие пустяки перед самим фактом подарка от человека, возглавляющего огромную страну и так выделяющего среди 170 миллионов народонаселения его, Алексея Николаевича Толстого, литератора.

— Ну, слава богу, наконец-то! — вздохнула Ольга Брониславовна. — А мы с Людмилкой Ильичиной уж думали, не случилось ли чего. Времена-то какие...

— Ну что со мной может случиться? — отвечал весь излучающий счастье Алексей Николаевич, раскуривая трубку. — Уж теперь-то со мной вообще не может ничего случиться!

Смотрел на секретаря загадочно, выдерживая паузу.

— А курить-то вам и вовсе не надо бы. Как-никак, инфаркт уже имел.

— Ну, это когда было! А теперь мне бросать курить и думать нечего. Вы, сударыня, понятия не имеете, что это за трубка!

Поднес к самому ее лицу, так что она брезгливо помахала ладошкой, разгоняя дым.

— Это, голубушка Ольга свет Брониславовна, трубка совершенно необычная. Талисман. На счастье. Обменялся со мной сам!

И Толстой мундштуком указал в потолок.

ТУДА ЛИ УСТРЕМИЛСЯ ОРЕЛ?

В конце 1940 года Толстой заключил договор с Комитетом по делам искусств на создание пьесы о Грозном. 9 января 1941 года «Известия» опубликовали информацию «Государственные заказы драматургам».

К работе над пьесой писатель приступил в начале войны в Зименках, под городом Горьким. В феврале 1942 года драма «Орел и орлица» была закончена, и отрывок из нее увидел свет на страницах газеты «Литература и искусство» 21 марта. А вскоре, 30 мая, в той же газете появился первый отклик. Статья носила ничего не значащий заголовок: «Современная советская драматургия». Никак нельзя было ожидать того, что прозвучало в ней:

«...Кипучая деятельность Ивана Грозного по «собиранию» земли русской, созданию централизованного государства не нашла отражения в пьесе. Широкий размах государственных преобразований, осуществленных Иваном Грозным, так же остался вне поля зрения автора. Борьба Ивана Грозного с боярством сведена в пьесе к внутрисемейным распрям. Роль опричнины, на которую опирался Иван Грозный, по существу не показана...» Вывод делался недвусмысленный и категоричный: «Несомненно, что пьеса А.Н. Толстого не решает задачи исторической реабилитации Ивана Грозного».

Алексей Николаевич Толстой (курит сталинскую трубку) с женой Людмилкой Ильичиной.

Пьесу о Грозном, однако, совсем отвергать не стали. Опубликовали тиражом... 200 экземпляров. Даже не поставив обычного в подобных случаях «на правах рукописи».

Вскоре вождь снова вызвал писателя к себе. Первое, что бросилось в глаза: в руках вождя дымилась другая трубка. И человек пред ним стоял совсем другой. Вождь сухо напомнил, как много сделала для него, бывшего графа, советская власть. Как его расхвалил Вячеслав Михайлович на съезде Советов. Сказал, что перед ним выступал бывший граф, а ныне писатель земли советской Алексей Николаевич Толстой, а значит, какова сила социалистических идей, если на сторону народа переходят и некоторые графы. С тех пор Толстой совсем перестал опасаться, что его попрекнут эмигрантским прошлым и старыми связями. Теперь эта боязнь откуда-то с самого доньшка души поднималась вновь.

Мелькнуло в памяти: его коллега по сменовеховской газете «Накануне» Николай Васильевич Устрялов, вернувшийся вскоре после него в Россию, профессор-экономист высшего класса, в 1937 году был арестован по обвинению в «шпионаже», контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации и расстрелян... Такая же участь постигла и Бобрисева-Пушкина... До него доносились...

— Поменные внимания уделяйте женюлюбю Ивана Грозного, дайте правильную политическую оценку опричнине как средства борьбы и (вождь сделал небольшую паузу, а потом жесткое ударение) ликвидации оппозиции.

Приступив к работе над второй частью драматической дилогии «Трудные годы», Толстой стал вносить серьезные изменения и дополнения в первую часть («Орел и орлица»). Вторая часть тоже была издана. На сей раз тираж изменился: 1000 экземпляров. А первая часть, во второй редакции, даже была поставлена на сцене Малого театра в октябре 1944 года. Отклики на спектакль содержали много критических замечаний. 27 октября 1944 года выступила «Правда» и поставила две точки

нюдь не горьковскому пониманию социалистического реализма и именно поэтому удостоенный Сталинской премии. Как картины приловных живописцев — Герасимов, у которого Горький читает Сталину и его свите сказку «Девушка и смерть» или Ефанова — «И.В. Сталин, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов у постели больного Горького»... Федин, очевидно, не вполне оценил характер поставленной перед ним задачи. Описал, как все было на самом деле.

Толстой и Федин разом вспомнили о Зошенко. Толстой напомнил другу, что еще в 1935 году жаловался Горькому на запрет цензуры книги Зошенко в Питере и добавлял тогда: атмосфера очень тяжелая. Какой безобразной казалась та формулировка теперь, в 1944 году, когда в журнале «Большевик» появилась статья никому не ведомых четырех авторов «Об одной вредной повести». Речь шла в ней о повести Зошенко «Перед восходом солнца». Оказывалось, сочинение писателя было проникнуто «презрением к людям», «клевета на наш народ, извращало его быт, смакуя спесь, вызывающие презрение».

Итак, письмо Толстого: «Глубокоуважаемый Николай Иванович, я получил известие, что в Куйбышеве недавно был арестован писатель Венус.

Венус был сослан в Куйбышев в марте 1935 года, как бывший дроздец. Он этого не скрывал и в 1922 году написал книгу «Пять месяцев с дроздовцами». Эта книга дала ему право въезда в Советскую Россию и право стать советским писателем.

Он написал еще несколько книг. Вся ленинградская писательская общественность хорошо знает его как честного человека, и, когда его выслали, писатели несколько раз хлопотали за него, чтобы ему была предоставлена возможность писать и печататься. Он в Куйбышеве работал и печатался в местных органах и выпустил неплохую книгу рассказов. Но жил очень скудно и хворал малярией. Основной материальной базой его семьи (жена и сын) была переписка на машинке, перепиской занимался его жена.

После ареста у его жены был обыск и была взята машинка. Прилагаю при этом моем письме — письмо его сынишки (к моей жене), которое нельзя читать равнодушно.

Николай Иванович, сделайте так, чтобы дело Венуса было пересмотрено. Кроме пяти его прошлого, на его совести нет пятен с тех пор, когда он осознал свою ошибку и вину перед Родиной. Во всяком случае, я уверен в этом до той поры, пока он не уехал в Куйбышев. Его письма из Куйбышева содержат одно: просьбу дать ему

ного Совета СССР академик Алексей Николаевич Толстой.

ПИСЬМО НАРКОМУ ЕЖОВУ

22 февраля 1938 года депутат Толстой пишет наркому внутренних дел Николаю Ежову. Пишет без полной уверенности в успехе: ходили слухи, что Ежова вскоре перебросят на водный транспорт — по совместительству. Странной казалась эта чехарда, вследствие которой наркомом стало вдруг не хватать. Но 10 апреля 1939 года Ежов будет арестован и расстрелян по стандартным обвинениям, а его место займет Лаврентий Берия.

Итак, письмо Толстого: «Глубокоуважаемый Николай Иванович,

я получил известие, что в Куйбышеве недавно был арестован писатель Венус.

Венус был сослан в Куйбышев в марте 1935 года, как бывший дроздец. Он этого не скрывал и в 1922 году написал книгу «Пять месяцев с дроздовцами». Эта книга дала ему право въезда в Советскую Россию и право стать советским писателем.

Он написал еще несколько книг. Вся ленинградская писательская общественность хорошо знает его как честного человека, и, когда его выслали, писатели несколько раз хлопотали за него, чтобы ему была предоставлена возможность писать и печататься. Он в Куйбышеве работал и печатался в местных органах и выпустил неплохую книгу рассказов. Но жил очень скудно и хворал малярией. Основной материальной базой его семьи (жена и сын) была переписка на машинке, перепиской занимался его жена.

После ареста у его жены был обыск и была взята машинка. Прилагаю при этом моем письме — письмо его сынишки (к моей жене), которое нельзя читать равнодушно.

Николай Иванович, сделайте так, чтобы дело Венуса было пересмотрено. Кроме пяти его прошлого, на его совести нет пятен с тех пор, когда он осознал свою ошибку и вину перед Родиной. Во всяком случае, я уверен в этом до той поры, пока он не уехал в Куйбышев. Его письма из Куйбышева содержат одно: просьбу дать ему

он заместил Горького, а тот постоянно заступался за кого-нибудь и порядком надоедал вождю своими просьбами). Но во всем надо знать меру! Даже генеральный секретарь писательского Союза Фадеев отказывается помочь Корнелию Зелинскому в деле его сестры. А Алексей Николаевич, пользуясь своим положением председателя комиссии по расследованию фашистских зверств в ходе войны, добивается освобождения этой женщины из лагеря раньше срока. Ничего бы не случилось, если бы досидела до конца!

Доходила до Сталина и куда более важная информация о том, что распоясавшийся академик позволяет себе вовсе недопустимые высказывания о порядках в стране, о засилье бюрократизма, плохом положении народа, необходимости крутых перемен после войны.

Записной книжке Толстой доверил такие мысли-прогнозы. «Конеч войны уже ощущается... Что будет с Россией. Десять лет мы будем восстанавливать города и хозяйство. После мира будет эмп, ничем не похожий на прежний. Сущность этого эмп будет в сохранении основы колхозного строя, в сохранении за государством всех средств производства и крупной торговли. Но будет открыта возможность личной инициативы, которая не станет в противоречие с основами нашего законодательства и не будет дополнять и обогащать их. Будет длительная борьба между старыми формами бюрократического аппарата и новым государственным чиновником, выдвинутым самой жизнью. Победят последние. Народ, вернувшись с войны, ничего не будет бояться. Он будет требователен и инициативен. Расцвет ремесла и всевозможные артели, борющиеся за сбыт своей продукции. Резко повысится качество. Наш рубль станет мировой валютой. Может случиться, что будет введена во всем мире единая валюта. Российская стена довоенной России (так, — В.Б.) рухнет. Россия самым фактом своего роста и процветания станет привлекать все взоры».

В своих устных высказываниях Толстой выражался порой еще резче. Разумеется, великий вождь не мог не усмотреть в подобных суждениях недопустимой крамолы. Прогнозы будущего державы мог заниматься только один человек. Все остальные — исполнители его воли. И что значит «люди ничего не будут бояться»? Сталин давно усвоил, что одним из важнейших элементов государственного устройства должен быть страх. Реализация этого принципа приведет после войны к «делу врачей», убийству Михоэлса, борьбе с космополитизмом, низкопоклонством перед Западом, ленинградскому делу. Но первые шаги в этом направлении прозорливый вождь начал еще до Победы. Так, разгром Зошенко в докладе Жданова и соответствующее постановление ЦК «О журналах «Звезда» и «Ленинград»» начали готовиться еще в 1944 году.

Думалось: если умирать, то не в тюрьме (как Мейерхольд и многие другие) и не с диким ярлыком английского шпиона. И не после пыток на Лубянке. Уж он-то детально представлял себе искусство костоломов — по документам времен Петра.

Ольге Брониславовне было строгойше наказано ежедневно в определенное время докладывать Поскребышеву о состоянии больного. Похоже, старались не упустить ни часа. Все в доме недоумевали: почему?

Как только остановилось бы дыхание «английского шпиона», вступал в действие разработанный до мелочей план его государственных похорон и погребения в крематории.

Умер Алексей Толстой 23 февраля 1945 года. А 24 февраля все газеты опубликовали следующее сообщение: «Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) с прискорбием извещают о смерти выдающегося русского писателя, талантливого художника слова, пламенного патриота нашей Родины, депутата Верховного Совета СССР Алексея Николаевича Толстого».

Первой в тот же день выступила «Правда» со статьей «Тяжелая утрата», принадлежавшей Демьяну Бедному, который никогда не был близок к успешному, зато был очень близок к Кремлю. На следующий день опять-таки в центральном органе партии публикуются статьи Михаила Шолохова «Могучий художник» и Николая Тихонова «Писатель великого народа».

А дальше хлынут статьи крупнейших писателей и деятелей искусства: «Народный писатель», «Верный сын народа», «Он будет жить», «Верный сын родины», «С гордо поднятой головой», «Русский талант», «Он вечно будет с нами», «Живой в памяти поколений»...

Постановление Совета народных комиссаров СССР об издании первого Полного собрания сочинений писателя вышло уже 28 февраля.

Выпуск таких изданий, однако, дело долгосрочное (первый том появится спустя шесть лет). Поставить на сцене какую-нибудь пьесу драматурга можно куда оперативнее. И вот уже не Малый театр, а главный драматический театр страны — МХАТ — ставит осенью 1945 года пьесу «Трудные годы», еще вчера запрещенную.

Но только ставит. Центральная роль была поручена Хмелеву. Зрителю, однако, не удастся увидеть народного артиста на сцене: он умрет 1 ноября 1945 года прямо на репетиции, в костюме Ивана Грозного, в возрасте 44 лет.

Сталин многократно посещал спектакль «Дни Турбиных», и Хмелев не мог забыть, как вождь приходил за кулисы и расточал ему комплименты за роль Алексея Турбина. «А в усилии вашего Турбина я просто влюблен».

Но Хмелев не мог не знать о трудностях прохождения пьесы Толстого.

Еще один друг Павленко, во-вторых, вы прекрасно знаете, что междунациональным шпионом является Илья Эренбург. И, наконец, в-третьих, разве вам не было известно, что Алексей Толстой английский шпион? Почему, я вас спрашиваю, вы об этом молчали? Почему вы не дали ни одного сигнала? Идите, — повелительно сказал Сталин и отправился к своему столу. — У меня нет времени больше разговаривать на эту тему, вы сами должны знать, что вам следует делать».

Дошедшая до Толстого весть потрясла его, и летом 1944 года он заболел.

Поначалу не подозревал, какая болезнь обрушилась на него. Обуреваемый множеством планов, он хотел писать роман о Великой Отечественной войне, о героическом советском тыле, и в сентябре радостно откликнулся на приглашение руководства Челябинской области побывать на Южном Урале.

Увы, ни эта, ни другие поездки не были разрешены врачами, да и сам он чувствовал себя все хуже и начинал догадываться о постигшей его беде. Да, это был рак легкого.

Думалось: если умирать, то не в тюрьме (как Мейерхольд и многие другие) и не с диким ярлыком английского шпиона. И не после пыток на Лубянке. Уж он-то детально представлял себе искусство костоломов — по документам времен Петра.

Ольге Брониславовне было строгойше наказано ежедневно в определенное время докладывать Поскребышеву о состоянии больного. Похоже, старались не упустить ни часа. Все в доме недоумевали: почему?

Как только остановилось бы дыхание «английского шпиона», вступал в действие разработанный до мелочей план его государственных похорон и погребения в крематории.

Умер Алексей Толстой 23 февраля 1945 года. А 24 февраля все газеты опубликовали следующее сообщение: «Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) с прискорбием извещают о смерти выдающегося русского писателя, талантливого художника слова, пламенного патриота нашей Родины, депутата Верховного Совета СССР Алексея Николаевича Толстого».

Первой в тот же день выступила «Правда» со статьей «Тяжелая утрата», принадлежавшей Демьяну Бедному, который никогда не был близок к успешному, зато был очень близок к Кремлю. На следующий день опять-таки в центральном органе партии публикуются статьи Михаила Шолохова «Могучий художник» и Николая Тихонова «Писатель великого народа».

А дальше хлынут статьи крупнейших писателей и деятелей искусства: «Народный писатель», «Верный сын народа», «Он будет жить», «Верный сын родины», «С гордо поднятой головой», «Русский талант», «Он вечно будет с нами», «Живой в памяти поколений»...

Постановление Совета народных комиссаров СССР об издании первого Полного собрания сочинений писателя вышло уже 28 февраля.

Выпуск таких изданий, однако, дело долгосрочное (первый том появится спустя шесть лет). Поставить на сцене какую-нибудь пьесу драматурга можно куда оперативнее. И вот уже не Малый театр, а главный драматический театр страны — МХАТ — ставит осенью 1945 года пьесу «Трудные годы», еще вчера запрещенную.

Но только ставит. Центральная роль была поручена Хмелеву. Зрителю, однако, не удастся увидеть народного артиста на сцене: он умрет 1 ноября 1945 года прямо на репетиции, в костюме Ивана Грозного, в возрасте 44 лет.

Сталин многократно посещал спектакль «Дни Турбиных», и Хмелев не мог забыть, как вождь приходил за кулисы и расточал ему комплименты за роль Алексея Турбина. «А в усилии вашего Турбина я просто влюблен».

Но Хмелев не мог не знать о трудностях прохождения пьесы Толстого.